

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакулов В. Д. Социокультурные метаморфозы утопизма. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 352 с.
2. Психологические тесты / под ред. А.А. Карелина. – М.: Наука, 2000 – 254 с.
3. Меньчиков Г.П. Духовная реальность человека (анализ философско-онтологических основ. – Казань: ГранДан, 1999. – 408 с.
4. Канапацкий Л.Я. Духовность как аксиологическая компонента ценности человека // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 2. – С. 201–211.
5. Гжегорчик А. Жизнь как вызов: Введение в рационалистическую философию. – М.: Вузовская книга, 2006. – 320 с.
6. Бердяев И.А. Философия свободного духа. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
7. Тоненкова М.М. Социально-духовные ценности и экология сознания // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 2. – С. 254–258.
8. Ценностное сознание личности в период преобразования общества / под ред. Е.Ю. Дорофеева, Л.Л. Серова. – М.: ИПРАН, 1997. – 236 с.
9. Золотухина-Аболина Е.В. Современная этика: истоки и проблемы – Ростов н/Д.-М.: Изд-во Рост. ун-та, 2000. – 448 с.
10. Столович Л.П. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 95–101.
11. Валеев Д.Ж. Происхождение морали. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. – 168 с.
12. Вичев В. Мораль и социальная психика. – М.: Прогресс, 1978. – 356 с.
13. Потапов В.П. Моральные ценности российской молодежи: содержание, факторы и тенденции изменений (по материалам социологических исследований): Дис. ... д. социол. наук. – М., 2002. – С. 76.

Поступила: 05.04.2010 г.

УДК 101.1:316

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ НАПРАВЛЕНИЙ ЯВЛЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Е.С. Антонова

Томский политехнический университет
E-mail: pischulina_ev@mail.ru

Рассматриваются четыре подхода к исследованию направлений одиночества, формирующих феноменологическую модель данного явления. В контексте каждого подхода представлена концепция переживания соответствующего данному подходу направления одиночества. Сделан вывод о том, что одиночество является сложным многоаспектным феноменом, который имеет разные варианты преодоления в зависимости от существующей объективной ситуации.

Ключевые слова:

Глобальный подход, коммуникативный подход, культурологический подход, социальный подход, направление, одиночество, подход, явление.

Key words:

The global approach, the communicative approach, the culturological approach, the social approach, direction, loneliness, the approach, the phenomenon.

Для исследования различных ракурсов явления одиночества используется термин «направление». Понятие «направление» широко используется для обозначения уровней динамики или значений социальных явлений. В теоретических работах этот термин часто имеет пространственную коннотацию и предполагает различие между поверхностными и глубинными уровнями. В социальных науках он используется, чтобы различать явные и скрытые значения. Мы не используем здесь термин «направление» в обычном ракурсе. Выражение «направление» используется нами для обозначения специфических возможностей внутри плюралистической структуры личностного мира. Поскольку направления одиночества соответствуют четырем плоскостям развертывания личностного мира человека, то они определяются как космическое, культурное, социальное и межличностное [1].

Модель, состоящая из четырех направлений одиночества, развивалась для объяснения возможной области распространения одиночества и сложности переживания, для освещения аналитически богатого разнообразия значений, которое может быть обнаружено в многочисленных переживаниях одиночества. Эти значения могут быть разъяснены при помощи изображения основных видов одиночества в зависимости от четырех направлений. В дополнение к страданиям, вызванным одиночеством в бытии индивидов, и к проблемам, сопровождающим страдания, модель, состоящая из четырех частей, дает возможность понимать, что одиночество может вызывать глубокое личностное горе. Одиночество становится невыносимым, когда оно поражает индивида в одно и то же время более, чем в одном направлении. Из-за недостатка понятия, которое может объяснить переменную слож-

ность одиночества, индивиды не могут объяснить ни источники, ни жестокость их одиночества. Эта модель обеспечивает способ оценки области распространения и интенсивности данного переживания одиночества.

Совершенно очевидно, что одиночество, переживаемое в одном направлении, будет отличаться от того, которое переживается в других. Одиночество передает напряжение в значимой области или внутри чьего-либо мира. В резких формах одиночество представляет расстройство личностных ожиданий человека. В каждом направлении одиночества человек осознает, что какой-то важный аспект отсутствует или утрачен. Каждое направление одиночества отлично от других направлений. Следующие четыре подхода предназначены для того, чтобы описать характерные отличительные особенности каждого из четырех направлений.

В первую очередь, рассмотрим глобальный подход к изучению явления одиночества, который заключается в исследовании космического направления одиночества.

Из четырех направлений космическое, возможно, самое сложное. Космическое направление предназначается для того, чтобы обозначить, по крайней мере, три различных восприятия индивидом себя, в которых он воспринимает действительность как целое, осознает себя связанным с бытием, верит в уникальность своей судьбы.

Космическое одиночество представлено только тогда, когда представлен один из этих аспектов; другие выражения космического одиночества могут включать в себе два или даже три этих аспекта [1].

Активный поиск жизненных источников и близкого взаимоотношения с природой часто ассоциируется с неожиданно появляющимся одиночеством космического направления. Некоторые люди выбывают из общества в их попытке разрешить космическое одиночество, таким образом, создавая другой его вид.

Космическое одиночество не нуждается в широком видении природы, поскольку в целом может характеризоваться меньшим масштабом. Например, некоторые одинокие люди, чувствующие свое отчуждение от особенной области, скучают по родной земле так, как могут тосковать по семье и друзьям, с которыми они были разлучены.

Иудейско-христианское наследие изобилует примерами выражений одиночества, доставляющих сильнейшую боль. Псалмы полны жалоб одиноких людей. «Как долго, о Господи, Ты не будешь совсем помнить обо мне? Как долго Ты будешь прятать от меня свое лицо?» «Как лань тоскует по бегущим ручейкам, так и я тоскую по Тебе, о Боже» [1]. Пророческая литература содержит многочисленные похожие отрывки. Один из самых мучительных криков космического одиночества был издан во время страдания (распятия Христа): «Мой Бог, мой Бог, почему Ты оставил меня» [1]?

Во многих современных религиях имеются выражения одиночества наряду с требованиями разрешить его. Некоторые религиозные группы предлагают взаимодействие с божественным соратником, который наполнит религиозные одинокие сердца. Без сомнения, один из самых сильных мотивирующих факторов, в основном, в высоко эмоциональной религии сегодня — это одиночество. До сих пор оценке значимости новых религиозных движений и соответственно возникновения новых культов было уделено незначительное внимание.

Космическое одиночество является родственным переживанию самоотчуждения, когда индивид осознает, что важный аспект в его личности отсутствует или что развитие одного «Я» вычеркивается другим. Выражения этого аспекта одиночества иногда принимают форму тоски по действительно «Я», которое все еще не реализовалось или которое потеряно. Некоторые люди полагают, что каждый человек — остров, изолированный от других в ядре своего существования и даже отчужденный от самого себя [1]. Иногда страх одиночества и тенденция подавить его признание подчеркивают убеждение об одиночестве как о действительном состоянии человеческого существования.

Рассмотренные варианты одиночества не намерены внушать какую-нибудь метафизическую перспективу или религиозные поверья. Они выражают форму самосознания по отношению к тому, что является помехой в контексте основного измерения внутреннего мира человека. Новизна здесь заключается не в открытии некоторых новых форм переживания, а в представлении аналитической концепции, которая дает нам возможность признать разнообразие переживаний, охватывающих самоотчуждение и отчуждение от Бытия или Бога как особого вида одиночества. Эта концепция также имеет большую ценность при попытке оценить размах и тотальное воздействие одиночества в жизнях определенных индивидов и групп, которые встречаются с одиночеством в нескольких направлениях.

Обращаясь к культурологическому подходу в отношении исследования явления одиночества, следует отметить, что в этой категории одиночества термин «культура» используется в традиционном значении внутри социальных наук.

Этот вид одиночества особенно хорошо рассмотреть на примере истории США, которая изобилует переживаниями, имеющими отношение к культурологическому подходу в исследовании данного явления. В течение иммиграционных волн девятнадцатого века многие иммигранты приезжали в эту страну группами, которые включали членов их семей, дальних родственников, друзей и знакомых из их родных городов и деревень. Они были часто окружены любовью тех, кто был важен для них; тем не менее, они чувствовали глубокое одиночество. Часто они образовывали этнические сообщества, которые были частичными попытками противо-

действия этому странному виду одиночества. Но даже внутри этнических групп присутствовало обозначенное чувство отчужденности от культурного наследия, которое было изначально частью их стиля жизни. Было утеряно то, что они должны были воспринимать как должное. Термин «отчуждение» не всегда адекватно объясняет это переживание. Отчуждение имеет отношение, в основном, к восприятию субъектов их привязанности к новой стране, но оно не может объяснить причин страдания из-за одиночества [1].

Пример одиночества культурного измерения обнаруживается в характерной форме переживания человека в современном мире. Это переживание было центральным у Э. Фромма в теперь классическом учении «Бегство от свободы». В попытке описать господствующий социальный характер современного человека Э. Фромм признавал, что ключом к пониманию этого вида личности являлся специфический вид привязанности индивида к миру [2].

Очень важно обнаружить этот вид одиночества в жизни людей, особенно в ситуации аномии, оказывающей, по мнению Э. Дюркгейма в «Самоубийстве» [3] и Р. Мертна в «Социальной теории и социальной структуре» [4], субъективное воздействие. Люди, которые переживают внутренний разлад, являющийся результатом чувства отчужденности от традиционных ценностей и стандартных значений, часто выражают чувство одиночества, которое они совсем не могут объяснить. Существует много личностей, которые пережили культурное нарушение при иммиграции или при быстрых изменениях в их религии и общественных нравах. Модель дает возможность им опознать прежде неизвестный источник горя.

Культурное одиночество также очевидно в группах меньшинств, когда индивиды ощущают, что их связи с их собственным культурным наследием сломаны или что господствующая культура, в которой они живут, враждебна к их собственной культуре. Это важный элемент в жизни людей, которые не могут найти пристанище в культуре. Этот вид одиночества соединяет личностей, пораженных культурным отчуждением и переживающих кризис тождественности личности.

Культурные различия иногда скрывают социальную и межличностную связь. Сложные образцы одиночества часто появляются неожиданно, поскольку в семьях и учреждениях есть так называемое расхождение во взглядах поколений. Здесь культурное одиночество способствует и обостряет переживание в социальном и межличностном измерениях. Побочный результат напряженного социального конфликта — сложное переживание, требующее ощущения культурного измерения, которое нужно понять и воспринимать адекватно как феномен одиночества. Измерение одиночества существует тогда, когда в обществе происходит отказ от культурных течений и ценностей, забытых или отвергнутых [1]. Это не удивительно. Оно позволяет обнаружить радикалов и новаторов в исто-

рии, уделяющих большое значение близкой дружбе, защищая себя таким образом от межличностного одиночества, поскольку они рискуют одиночеством в культурном и социальном измерениях.

Социальный подход к изучению явления одиночества предполагает, что термин «социальное» употребляется здесь в значении широко заданном в социологии, относящим его к устойчивым образцам организованных взаимоотношений. Это обеспечивает структуру, внутри которой индивиды и группы взаимодействуют. Кроме того, в изучении социального измерения одиночества термин «социальное» изначально относится к специфическим группам в обществе больше, чем к обществу в целом. Этот вид одиночества был широко известен, и особенно крайне тяжелые формы его были описаны терминами социальной изоляции, такими, как изгнание, остракизм, отчуждение. Более тонкие формы социальной изоляции также подразумеваются, включая примеры, где социальное изгнание лишает личностей членства в группах, которое они считают важным и желаемым. Другой пример этого вида одиночества может возникать, если индивид чувствует, что его не принимают в этой группе.

В отличие от космического и культурного одиночества, где индивид ощущает потерю связи, в социальном измерении одиночества индивид эмоционально воспринимает то, что он исключен, индивид кажется себе изгнанником, аутсайдером, одиночкой. Этот вид одиночества характеризуется отрицанием роли индивида, остракизмом и моббингом, невозможностью поступить в университет, вступить в клуб или работать в фирме из-за поведения, классовой принадлежности или цвета кожи, которые считаются нежелательными в данной социальной среде [1].

В дополнение к этим факторам, которые способствуют появлению социального одиночества, можно назвать и другие условия, которые позволяют объяснить распространение этого вида переживания в современном мире. Некоторые из наиболее значимых факторов включают раскол общества вместе с растущей специализацией, высоким уровнем мобильности, неопределенностью традиционных социальных границ, разложением традиционных групп и короткой жизнью новых, приходящих на место старых. Сегодня люди обеспокоены местом, которое они занимают в социальной структуре. В дополнение к аспекту, касающегося социального места, сейчас существует немалое беспокойство о социальной тождественности и значимости ежедневных встреч субъектов друг с другом. Возможно, более значимый аспект в отношении стабильности общества — разложение многих традиционных групп. Один из аспектов значимого социального изменения — возникновение социального одиночества в огромном масштабе, который, к сожалению, не принимается во внимание при попытке оценить динамику и последствия общественных изменений в современной жизни, способствующие обозначению социальных проблем.

Существует много очевидных примеров социального одиночества, охватывающего индивидов, которые отстали от социальных перемен, были отвержены или вытеснены из значимых групп. Таким людям навешивают унизительные ярлыки преступников, неудачников, никчемных людей, извращенцев, тунеядцев или нежелательных иностранцев. Однако есть также острое социальное одиночество, переживаемое маргинальными личностями. Эти индивиды испытывают недостаток любого значимого социального взаимодействия. Эта группа включает в себя пожилых, бедных, больных, юношей и женщин.

Высокий уровень ожидания от значимого социального взаимодействия в современных обществах делает такое взаимодействие более проблематичным. Следовательно, мы обнаруживаем социальное одиночество значительно распространенным.

Наше исследование отражает понимание явление одиночества в современных обществах. Например, такое понимание, которое сообщается с известным доводом Д. Рисмена о возникновении социального характера, который частично был сформирован страхом одиночества [5]. Несмотря на двусмысленную ценность понятия Д. Рисмена социального характера, особенно учитывая его (понятия) корреляцию с экономическими и демографическими образцами, мы можем заметить, что нигде в «Одинокой толпе» нет точного определения или описания одиночества. Д. Рисмен признавал свою обязанность учениям Э. Фромма об одиночестве и социальном характере. Однако Д. Рисмен и Э. Фромм не говорили об одном и том же виде одиночества. Д. Рисмен изображает индивида, изначально обеспокоенным своим положением в обществе и своим взаимоотношением с группой. Следовательно, он более обеспокоен тождественностью и статусом, чем индивид Э. Фромма, который отчаянно ищет значимость и ценности.

Одиночество, на которое Д. Рисмен указывал, требовало для своего преодоления принятие, включение и утверждение в группе. Симптомами этого вида одиночества — нервное беспокойство и страх отчуждения. Д. Рисмен был первым, кто предположил, что преследование успеха изменило свою форму: «добиться успеха» стало включать и часто определяться созданием новых знакомств, признанием другими. Если Д. Рисмен прав, то мы обнаруживаем значительное одиночество в социальном измерении, поскольку люди ощущают себя несостоявшимися, неуспешными. Многочисленная литература, ежедневный опыт, изучающие одиночество, показывают, что этот вид переживания широко распространен. Последствия такого неразрешенного одиночества включают тревожность, злобу и подавленность. Внимательное рассмотрение этого вида одиночества, особенно в соединении с другими формами горя, приведет к большему пониманию мучительных сложных ситуаций в нашем обществе и к более эффективным способам, помогающим справиться с ними.

Предлагаемая модель одиночества помогает понять сложность и серьезность различных форм данного явления, таких, как боль одиночества, переживаемая жертвами предрассудка. Эта модель также предлагает некоторые требования, необходимые для того, чтобы разрешить это одиночество. Люди нуждаются не просто во взаимодействии в обществе, но во взаимодействии, при котором личностная уникальность и целостность признаются и поощряются. Следовательно, исключение одиночества, относящееся к социальному исключению, должно вовлекать как в неподдельное социальное участие, так и подлинное личностное признание.

Рассмотренные направления одиночества позволяют определить сущность феноменологической модели данного явления и способы, с помощью которых она может быть прописана относительно различных форм переживания, которые до сих пор не были оценены в отношении «преодоления» одиночества.

Обратимся к коммуникативному подходу к исследованию явления одиночества.

Существуют личности в различных обществах, которые никогда не переживали космическое, культурное или социальное измерение одиночества. Свидетельства людей, однако, показывают, что одиночество как переживание разделения со значимыми другими личностями — явление всеобщее. Иногда осознание одиночества в межличностном измерении приходит как потрясение. Оно может возникнуть, нарушая равновесие личностного мира. Часто, однако, одиночество — это опустошенность, которая разъедает личностное благополучие. В любом событии этот вид одиночества — самосознание, которое сигнализирует человеку, что важные межличностные взаимоотношения разорваны, ослаблены или представляют собой опасность: это сообщение, что чего-то важного не хватает в ее личностном мире.

Межличностное одиночество — обстоятельство жизни, которое не ограничивается конкретной ситуацией, возрастом, классом, расой, полом или группой интересов. Сейчас одиночество становится широко распространенным, напряженным и мучительным в современных обществах, чем в любое другое время в человеческой истории. Одной из проблем социальных наук является рассмотрение одиночества в контексте современного общества и его воздействия на личность. Кроме того, существует необходимость в ответе на вопрос о том, почему в условиях прогрессирующего роста населения, перенаселенности существует множество людей, обеспокоенных одиночеством.

Таким образом, можно говорить о том, что одиночество — сложный феномен, который может переживаться как в одном, так и сразу в нескольких направлениях, и, соответственно, иметь несколько подходов к изучению.

Публикуется при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sadler W.A., Jr., Johnson T.B., Jr. From loneliness to anomia. The Anatomy of Loneliness / J. Hartog, J.R. Audy, J.A. Cohen. – N.Y.: Intern. Univ. Press, 1981. – P. 34–64.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 284 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
5. Руткевич Е.Д. Типология социального характера // Социс. – 1993. – № 3. – С. 118–129.

Поступила 18.05.2010 г.

УДК 17+004.056.5

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭТИКЕ

О.М. Манжуева

Восточно-Сибирская Государственная академия культуры и искусств, г. Улан-Удэ
E-mail: ocydenova@yandex.ru

Рассмотрены этические аспекты применения информационных технологий. Этическое регулирование науки представлено как новый этап развития науки в целом. Сегодня ответственность и свобода применения информационных технологий в процессе научного поиска не являются альтернативными. Отсюда определена вся важность движения мирового научного сообщества за более действенный социально-этический контроль над научными исследованиями и их технологическим применением.

Ключевые слова:

Информационная этика, информационные технологии, информационная безопасность.

Key words:

Information ethics, information technology, information safety.

В работе Лучано Флориди «Информационная этика: О философских основаниях компьютерной этики» информационная этика называется онтоцентрической наукой [1]. Перед ней выдвигается задача, состоящая в том, чтобы с моральной позиции вынести оценку в отношении любой информации о том, что существует в мире, начиная от планет, камней, растений и животных, заканчивая людьми и их социальными отношениями. При этом провозглашается онтологическое равенство всех форм действительности. Если биоцентричная этика исходит из убежденности в том, что существует всеобщий нравственный закон о внутренней ценности жизни и, как следствие, негативно оценивает любой вид страдания, то в рамках информационной этики полагается, что существует еще нечто более фундаментальное и, одновременно, элементарное, чем жизнь и страдание [2. С. 112]. Речь идет о бытии вообще, которое понимается как информация. При этом утверждается, что бытие, как информация, имеет внутреннюю сущность, и может не только сохранять свой статус, но и изменяться.

Таким образом, отмечаемое ранее в этике движение от антропоцентричной перспективы к биоцентричной, теперь заменяется движением от биоцентричной парадигмы к онтоцентричной, т. е. в направлении учения о бытии как таковом. Указанное движение обуславливается тем, что информация о нас составляет часть нашего существова-

ния, а тот, кто владеет такой информацией, обладает частью нашего существа, чем нарушает нашу автономность. При этом не следует забывать о том, что существует, и такой тип информации о каждом из нас, который требует публичности, иначе мы не сможем называться членами общества. Вот почему говорят о нескольких видах «права на частную жизнь» (*privacy*) – физическом, ментальном, информационном. Право индивида на частную жизнь является одним из основных прав человеческого бытия: без него наше существование становится контролируемым, и, как следствие, достоинство человеческого индивида оказывается под угрозой нарушения [3].

Проблемы искусственного интеллекта, генной инженерии и клонирования входят в сферу информационной этики. Технократия упорно старается стереть границу между человеком и компьютером, между человеком и машиной. Н. Винер, основоположник кибернетики и величайший романтик машинной эпохи, обрисовал перспективы реализации идеи – симбиоза машины и человека. Объединение живой плоти и неживой посредством локальной сети нашего организма, нервной системы, было для Н. Винера, в первую очередь, попыткой помочь человеку обрести новые возможности или вернуть утерянные. Предваряя эту идею в жизнь, в 2001 г. осуществили первое соединение нейрона с чипом. Основная суть этого подхода – объединить сильные стороны человека и компьютера. Человек